

ЕЛЕНА ПАПАНОВА

АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ: ТАК ХОЧЕТСЯ ПОЖИТЬ...

Воспоминания об отце

КАРТИНА
ВРЕМЕНИ

Елена Анатольевна Папанова
Анатолий Папанов:
так хочется пожить...
Воспоминания об отце
Серия «Картина времени»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69608749

Анатолий Папанов: так хочется пожить... Воспоминания об отце:

Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-154273-3

Аннотация

Книга «Анатолий Папанов: так хочется пожить... Воспоминания об отце» – это откровенный, душевный рассказ о жизни и творчестве выдающегося актера театра и кино Анатолия Дмитриевича Папанова.

Его дочь, актриса Елена Папанова, делится своими воспоминаниями о легендарном отце, его таланте и скромности, его безграничной любви к профессии, а также беззаветной преданности одному театру и одной-единственной женщине.

Листая страницы книги, вы окунетесь в атмосферу жизни и быта послевоенной Москвы с ее коммуналками и их нравами,

уютными и тихими переулками, ознакомитесь с Москвой
Анатолия Папанова, где он жил, гулял, заучивал роли.

Содержание

Пролог. Яблоки на снегу	7
Усачевка	8
Нина	30
ГИТИС	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Елена Анатольевна
Папанова
Анатолий Папанов:
так хочется пожить...
Воспоминания об отце**

© Папанова Е. А., текст, фотографии, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог. Яблоки на снегу

Осень 1986 года. Мы с папой решили поехать на несколько дней на дачу. У него эти дни были свободны, а я не работала, сидела с детьми. Полтора года назад у меня родилась младшая дочка Надя, и я оказалась в длительном отпуске.

После ужина я уложила детей спать, и мы с папой спокойно сели смотреть программу «Время». Прогноз погоды нас встревожил: в ночь ожидалось снегопад и заморозки. У нас в саду еще осталось на деревьях столько яблок, которые мы не успели собрать летом! Некоторые уже упали на землю... «Надо спасти урожай!» – решительно сказал отец. И вот, тепло одетые, обутые в сапоги и вооруженные фонариками мы идем в сад. Обещанный сводкой погоды снег уже шел. Он кружил большими хлопьями, а мы светили фонариками и под монотонным снегопадом собирали дары лета... Работа была долгая и трудная: не выдерживавшие тяжести мокрого снега яблоки падали на землю и словно ждали, когда их поднимут. Это был незабываемый вечер: яблоки на снегу и рядом папа, увлеченный таким необычным сбором урожая. До ухода отца из жизни оставалось меньше года.

Усачевка

Усачевка – местность на юго-западе Москвы, в районе современных улиц Усачева и Ефремова, между Большой Пироговской улицей и Комсомольским проспектом. Это название возникло в начале XIX века по фамилии купцов и домовладельцев Усачевых.

Будучи дочерью актеров, я не росла «ребенком кулис», потому что имела замечательных бабушек и дедушек. По обеим линиям. Сначала расскажу о папиной.

Его маму звали Елена Болеславовна, в девичестве Равковская. Она была полькой по национальности, но жила в Западной Белоруссии, что по тем временам не было редкостью. Меня называли Еленой именно в ее честь. Родные Елены Болеславовны жили под Брестом и до 1939 года, до присоединения этих земель к Белорусской ССР, не могли с ней встречаться, так как к этому времени бабушка уже находилась в Советском Союзе. Там, в Беловежье, у бабушки осталось много родственников. А ее родной брат после революции уехал в Америку, где и прижился, обзаведясь семьей. Долго о нем родственникам ничего не было известно, но наконец он послал кому-то из них весточку, где и поведал о себе. В семье его существование держалось в большом секрете. Во времена холодной войны из-за такого родства можно было схлопотать большие неприятности. Этого опасались

все, а пуще всех – дедушка Дима, папин отец. Он был военным, интендантом, и у него своих проблем хватало... Но об этом чуть позже. Как любой военный, Дмитрий Филиппович Папанов странствовал по городам и весям вместе с семьей. Дочь Нина, моя тетья, родилась в Нижнем Тагиле, а сын Толя, мой папа – в Вязьме, в Смоленской области. Между прочим, там, в местном музее, есть целый раздел, посвященный моему отцу.

Дедушка Дима обожал театр. Интересовался актерами, сам ставил любительские спектакли и играл в них. И хотя чаще всего это происходило в маленьких военных городках, его подраставший сын Анатолий тоже пристрастился к отцовскому увлечению. Он и впоследствии признавал, что именно Дмитрий Филиппович увлек его театром. Мальчишкой занимал его в тех же спектаклях, в которых играл сам, заставлял, по мере сил, ставить декорации, «заряжать» реквизит. Это были первые шаги в искусстве Анатолия Дмитриевича Папанова, будущего народного артиста.

Вот как сам отец вспоминал о семье, в которой родился и вырос: «Я из очень дружной семьи. Отец мой Дмитрий Филиппович – коренной туляк. Он участвовал в войне 1914 года, а позднее служил в интендантских частях. Отец был очень скромный, деликатный, даже, можно сказать, галантный человек, несмотря на то, что особого образования у него не было. У него были хорошие руки умельца, за что бы он ни брался, – чинить, красить, ремонтировать, писать, – все де-

лал замечательно. Почерк у него был каллиграфический, часто он советовал нам с сестрой заниматься по часу в день чи-стописанием, видя наши далеко не стройные строчки в тет-радах. Любовь к театру, возможно, зародилась и передалась от отца. Он, живя с семьей в Вязьме, а затем в Полоцке, при-нимал участие в любительских спектаклях».

В Вязьме Дмитрий Филиппович Папанов играл яростно, отдаваясь целиком образу Крутицкого в бессмертном творе-нии Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Драмкружком руководили С. Морской и Н. Плотников, ко-торые уже тогда посоветовали ему идти на профессиональ-ную сцену. Когда семья переехала в Полоцк, то там Дмитрий Папанов был главным героем в драмкружке, исполняя бук-вально все роли. Достаточно сказать, что в драматическом произведении «Русалка» Пушкина в очередь играл князя и мельника. Эти спектакли пользовались большим успехом у публики, потому что в городе не было профессионального театра. У нас сохранилась фотография, на которой запечат-лены все участники самодеятельности вместе с актрисой Ху-дожественного театра Лучезарской. Она была руководи-телем драматической студии, вернее, кружка.

Сына старший Папанов приучал к сцене с детства. Отец, наверное, не помнил, как сидел на коленях у актрисы, играв-шей Кручинину в «Без вины виноватых» Островского, а его старшая сестренка Нина стояла рядом. Папе было тогда три года.

Артистическая карьера Папанова-старшего оборвалась резко. Жена не поддержала этого увлечения мужа, поскольку кормилец почти не бывал дома. Кроме того, оцинкованное корыто – очень большая ценность (в нем стирали белье и купали детей) – было унесено в самодеятельный театр и разбито вдребезги во время изображения грома в пьесе Островского «Гроза». Жена поставила вопрос ребром: «Или мы, или сцена». Семья в итоге победила. С театром было покончено.

Трагедия в семье произошла внезапно. В городке, где заведовал воинским хозяйством Дмитрий Филиппович Папанов, сгорел склад. Деда не привлекли к уголовной ответственности, но выгнали из партии. По тем временам это могло кончиться весьма печально. Наша единственная и неделимая коммунистическая партия безжалостно карала «вредителей». Но Дмитрию Филипповичу повезло: он отделался всего лишь отставкой.

Вскоре он перебрался с семьей в Москву, где поселился в комнате коммунальной квартиры в небольшом кирпичном доме на улице Малые Кочки (ныне улица Доватора). Район Усачевки отец считал своей «малой родиной». Здесь была школа, где он учился, а в ней – драмкружок, где он вдохновенно читал стихи. В одном из последних интервью папа сказал корреспонденту: «Любовь к родному городу начинается с любви к своей улице, с преданности своему театру. Звучит это, может быть, банально, но ведь это так, вы согласны со

мной?» И с этим трудно не согласиться: понятие «малая родина» будет всегда актуально. Для отца это была Усачевка и все окрестности, прилегающие к ней. В том же интервью он продолжает: «Усачевка – старая улица моего детства. Сейчас в том районе проходит многоэтажный Комсомольский проспект, взлетает на Ленинские Горы метромост. А тогда были небольшие деревянные домики, пруды, где мы пацанами ловили карасей, купались, катались на коньках.

Чуть позднее, работая токарем в ремонтных мастерских 2-го Московского шарикоподшипникового завода, он робко мечтал о театре. Недалеко был клуб завода «Каучук», где был известный в те годы Народный театр, коллектив которого получил первое место на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности за постановку комедии Шекспира «Укрощение строптивой». Мой юный папа сыграл там роль Гортензио (что впоследствии помогло ему на вступительных экзаменах в ГИТИС). В заводской самодеятельности он сделал первые шаги в волшебный мир профессионального театра, потому что коллектив был действительно сильный и на спектакли в «Каучук» приезжали даже профессора театральных институтов.

В одном из интервью Папанов вспоминал: «С самого детства был влюблен в театр, а особенно в кино. Я не был исключением среди мальчишек 30-х годов, которые по многу раз смотрели “Чапаева”, трилогию о Максиме, “Семеро смелых”, “Цирк” и “Веселых ребят” ... Я, как и сверстни-

ки, восхищался героями Бориса Бабочкина, Бориса Чиркова, Любови Орловой, Тамары Макаровой... Удивительное было время: мальчишки мужали, воспитываясь на примерах прекрасных, мне кажется, даже вечных фильмов, замечательных мастеров экрана.

Но я был не только зрителем. Столь же самозабвенно снимался во многих картинах: “Суворов”, “Минин и Пожарский”, “Степан Разин”. И даже в картинах “Ленин в Октябре” и “Ленин в 1918 году”. Правда, ролей у меня не было, это было только участие в массовых сценах. Что только не приходилось делать: переплывать ров, что был напротив “Мосфильма”, в атаку ходить с криком и гиканьем, недавно, между прочим, увидел себя в “Подкидыше”, но пришлось очень постараться, чтобы найти и узнать себя в толпе на вокзале. Так что киноактер я с довоенным стажем».

Конечно, участие в массовках было небольшим заработком на карманные расходы.

С детства папа обожал играть в футбол. Сколько у каждого из нас романтических воспоминаний об этой поре. Заброшенные дворы – пустыри и ребята предвоенной Москвы, не знавшие настоящих бутсов и кожаных мячей, самозабвенно гонявшие с утра до вечера без перерыва на обед пустую консервную банку или нечто круглое, сшитое из тряпок. Был он тогда, как теперь говорят, в хорошей спортивной форме. Мускулы качали не какими-нибудь специальными упражнениями, а так, между делом. Мать, к примеру, попросит его

сбегать за керосином в лавку, а два бидона – это килограммов 20. Вот он бежит с этими бидонами, а времени в обрез, надо еще столько успеть за день сделать: и клумбу под окнами вскопать по просьбе дворника дяди Миши, и поработать над строительством стадиона в Лужниках, которые только что закладываются, да и на «Мосфильм» поспеть.

Семье отставного интенданта жилось нелегко. Бабушка Лена, утонченная полька, работала здесь же, на Усачевке, на хлебозаводе. А ведь раньше у нее была профессия с таким манящим для меня названием – «модистка». Бабушка делала модные шляпки. А в те времена даме без шляпки и на улицу было неприлично выйти. Елена Болеславовна владела этой профессией в совершенстве. Помню, когда я была совсем маленькой девочкой, мы приходили с папой в гости на Усачевку. Но, как всякий ребенок, я совала нос, куда не следует, заглядывала в ящики, комоды, шкафы. И в шкафу находила болванки, на которые модистки примеряют шляпы. Вот тогда меня охватывал воистину младенческий ужас!

Когда отец работал токарем в ремонтных мастерских завода, с ним произошла неприятность. Хотя их бригада была хорошая и дружная, но кто-то из рабочих совершил кражу стройдеталей. Шел февраль 1941 года, с воровством было очень-очень строго. Всю бригаду арестовали и увезли в Бутырку. На допрос вызывали каждого в отдельности. После допроса Папанова следователь понял, что наивный юноша вряд ли способен на такое. Ведь ему было всего 19 лет. На

девятые сутки его отпустили домой. Дома ждал тяжелый отцовский кулак. Родитель не стал ни в чем разбираться, но не рассчитал силу удара. Несколько недель жертве произвола пришлось поваляться дома. А через несколько месяцев началась война, которая внесла поправки во все людские судьбы. Мальчишку забрали на фронт. Он попал на передовую. Отец воевал на юго-западном направлении. Второй украинский фронт. Был зенитчиком, артиллеристом и пехотинцем. Его ровесники вынесли на своих хрупких плечах огромную ношу. Они верили в победу, жили этой верой, испытывая ненависть к врагу.

Трудное было время, но и на фронте жизнь продолжалась. Всякое в ту пору случалось: трагическое и комическое всегда шагают рядом, даже на фронте. Однажды зимой 1941-го получил их взвод приказ взять деревушку. Пошли в атаку и вернулись обратно. Да не все. Из 40 бойцов взвода вернулись только 12. А приказ никто не отменял, значит, надо его выполнять.

В деревне этой жителей не было: кто в лес ушел, кого фашисты побили. Решили солдаты провести артиллерийскую подготовку. Так «перепахали» оборону противника, что, казалось, ничто живое на пути не встретится. Заняли они эту деревню. Глядят: и впрямь одни дымы да развалины. Все вокруг мертво. И вдруг...

– Ку-ка-реку-у-у!

Петух! Настоящий, невредимый петух! Как он в этой ог-

ненной коловерти живым остался – никому не известно. Худющий, с обгорелыми перьями, но живой!

Бойцы его на руки, каждый гладит, приговаривает:

– Ах ты, родненький! Красавец какой!

– Да спляши ж ты нам, да спой же ты нам, Петенька!

А петух и правда – от тишины, что ли, после такого грохота распелся во всю глотку: «Ку-ка-рекууу!» Прямо хоть танцуй под его петушиную серенаду. И кто-то из них действительно стал плясать, а другие – в хохот.

От того петуха, от крика его звонкого, веселого в лютую стужу весной повеяло. Был он для них глашатаем радости, кусочком далекой счастливой мирной жизни.

Петуха накормили, напоили, завернули в чью-то шинель, да так и носили от одной группы солдат к другой. А когда покидали деревню, отдали первым, кто начал возвращаться в родные места.

Не знаю, насколько убедительно прозвучала эта история, но я сама слышала ее от отца.

На фронте, в минуты затишья, они спорили, строили планы, мечтали, но многие ребята погибли. Один папин друг и ровесник, Алик Рафаевич, погиб на глазах у отца. В этом бою, который длился два с половиной часа, от 40 человек осталось 13. Отец вспоминал: «Помню и первый бой, и первую атаку, и бой, в котором убили моего друга – Алика Рафаевича. Алик до войны учился на операторском факультете ВГИКа. Жили мы в Москве недалеко друг от друга, но

не были знакомы. Познакомились, а потом и подружились, только на фронте».

Впоследствии о своей военной дружбе и об Алике Рафаевиче папа рассказал в одном из телевизионных интервью. После этой передачи мать Алика Рафаевича нашла отца. Состоялась встреча у нас дома, они долго разговаривали, ведь его мать считала Алика без вести пропавшим. А потом папа получил письмо:

Глубокоуважаемый Анатолий Дмитриевич!

С тех пор, как я услышала Ваше выступление по телевидению, а затем Вы любезно и необычайно тепло приняли нас у себя дома, прошел не один день. А я и все члены нашей семьи продолжаем пребывать в необычайно волнительном состоянии. И мы не можем подобрать слов, которые бы в полной мере выразили наше чувство глубокой благодарности Вам. Чувство сердечной признательности матери, которая спустилась тридцать с лишним лет, благодаря Вам, дорогой Анатолий Дмитриевич, узнала о своем сыне.

Узнала от Вас – человека, который был с ним рядом до последнего вздоха. Узнала, как погиб мой сын, защищая родную землю. Погиб на Ваших глазах. Погиб, как верный сын Отчизны. Вы понимаете, конечно, как велико горе матери, потерявшей сына, к тому же единственного. И единственным утешением может быть только сознание того, что он пал смертью храбрых, будучи до последней секунды своей

молодой жизни и до последнего вздоха верным Матери-Родине.

Более тридцати лет я ничего о нем не знала, знала только, что ушел на фронт, знала только, что погиб. И вот ваше выступление, наша встреча у Вас на квартире, рассказ о Вашем боевом друге однополчанине, которого Вы любовно называли Рафик, с которым Вы делили тяготы военных дорог, теплый рассказ о храбрости и скромности, дружбе и доброте, отваге и гибели этого Вашего молодого друга. И, наконец, Ваши слова, когда я Вам показала фотографию моего сына: «Да, это он!»

Вы были взволнованы. Речь шла о Вашем боевом друге-товарище. Что же сказать мне – его матери, всем членам нашей семьи. Велико, повторяю, наше горе. Но теперь велика и наша гордость – за моего сына, за нашего внука, племянника, павшего смертью храбрых при защите Родины.

И великое Вам, дорогой Анатолий Дмитриевич, спасибо за Вашу такую дружбу с моим сыном, за то, что делили с ним и в те дни учебы, и в дни боев все радости и печали, спасибо за то, что позаботились похоронить его. Спасибо за то, что собираетесь побывать в Донбассе, чтобы вместе с Красными следопытами найти его могилу.

Мы будем с нетерпением ждать Вашей весточки, чтобы незамедлительно выехать туда.

Спасибо и низкий поклон от всей нашей семьи Вам.

С уважением, Софья Рафаевич-Шпик.

А в начале 1942 года, в одном из боев на юго-западном фронте, рядом с молодым солдатом Папановым разорвалась бомба. Один осколок угодил ему в ногу. Это было под Харьковом. Ранение было тяжелым. Он попал в госпиталь, который находился в городе Буйнакске, под Махачкалой. В госпитале пролежал около полугода, перенес несколько операций, в результате два пальца на ноге были ампутированы. Он получил инвалидность. Но даже в госпитале мысли о театре, об искусстве будоражили его юношеский ум и помогали бороться с недугами. В одном из последних интервью он вспоминал: «А с каким нетерпением мы в госпитале ждали выступления артистов! Искусство вселяло в нас веру в Победу, дарило, пусть минутное, душевное успокоение, залечивало раны.

Залечивало иногда в буквальном смысле слова. Помню военный госпиталь. Коридор, заставленный кроватями, и громкий, словно пытающийся скрыть неумемную радость, голос Лидии Руслановой “Валенки, Валенки...”. Пластинку ставят несколько раз. Мы знаем, что ставят его по просьбе оперируемого бойца. Ему надо было ампутировать ногу, а анестезирующих средств в госпитале не осталось, и он согласился на операцию без наркоза. Попросил только, чтобы поставили “Валенки”».

Самым главным в решении стать артистом было убеждение, что актер может сражаться только своими средствами. Особенно остро Папанов ощутил, когда в госпиталь приеха-

ла Мария Петровна Максакова, прославленная оперная певица Большого театра. От ее песен веяло мирным временем, было в них то, что так не хватало солдатам на войне – теплота, нежность, ласка. Но тем острее понималось, что они, солдаты, должны, обязаны и могут защитить и сберечь это домашнее тепло от грязных захватчиков. Только в госпитале папа узнал, что из всех солдат, попавших под бомбежку в том бою, в живых остался он один.

Но время шло, и чувство горькой досады по погибшим товарищам переросло в щемящую боль за судьбу матери, которая осталась в Москве одна. Он очень скучал по дому.

«В госпитале я ночами просыпался от того, что вдруг начинал пронзительно ощущать запах улицы моего детства – запах свежесдобитого хлеба. Наш дом был недалеко от хлебозавода, и моя мама работала там рабочей. И так щемило сердце, так страстно хотелось увидеть свой двор, старую церковь возле него. В церкви была школьная столовая, и нас, ребятшек, поили там компотом».

Сохранилось письмо, которое папа написал своей матери из госпиталя. Вот оно.

Москва 48, Малые Кочки д.7 кор. 6 кв. 239 Папановой Е.Б.

Здравствуй, дорогая мамочка!

Вчера я получил сразу два письма, одно от тебя, другое от Царева Гриши, и вот сегодня спешу на них ответить.

Мама, ты пишешь, что, может быть, я приеду после госпиталя домой, нет, я сразу, очевидно, поеду в часть. Сейчас у нас все стало дешевле – молоко пресное стало 5 р. литр, кислое – 8 р. Появилась на рынке черешня 15 р. кг. Очень много редиски, она очень дешевая. Мама, от папы с Ниной до сих пор ни одного письма не получил. Послал им 5 писем, а ответа пока никакого нет. Очевидно, из Нижнего Тагила очень долго идут письма. Самочувствие мое сейчас лучше. Дней через 15 я, наверное, из госпиталя выпишусь. Мама, я просил тебя в предыдущем письме, чтобы ты написала, о чем вы разговаривали с Ирой. Вчера у нас был выходной день. Я ходил в гости к одной москвичке. Очень хорошо провели время. Хорошо покушал и немного выпил виноградного вина. В городе сейчас очень хорошо. Очень тихо и есть где погулять. Сегодня ночью я видел сон и опять во сне видел тебя. Не знаю, что он означает. На днях думаю сходить в фотоаудио и сфотографироваться. Как только получу карточки, одну вышлю тебе. Театр Ермоловой в Буйнакск еще не приехал. Жду его с нетерпением. На этом я свое письмо заканчиваю. Жду от тебя с нетерпением вестей. Если увидишь кого-нибудь из моих знакомых, передавай им большой привет. Крепко, крепко целую тебя – твой сын Анатолий.

ДАССР, г. Буйнакск, в/ч 15, госпиталь 3, палата 16 Папанову
Анатолию Дмитриевичу.

В результате после Махачкалинского госпиталя инвалид III группы Папанов возвращается в Москву. Ему дали

небольшую пенсию по инвалидности. Хотя его мать и работала на хлебозаводе, денег не хватало и жилось очень бедно. Анатолий решил немного подработать. Кто-то научил его поступить следующим образом: купить на рынке недорогую одежду и обувь и поехать в какую-нибудь отдаленную деревню обменять вещи на продукты. Папанов так и сделал. Но ему не повезло. В поезде на две огромные сумки обратили внимание милиционеры, попросили предъявить документы и показать содержимое багажа. Молодого человека забрали в отделение и хотели завести на него дело за спекуляцию. Но, узнав, что он фронтовик-инвалид и живет с матерью впроголодь, пожалели его и отпустили. После этого случая неудачливый коммерсант решил устроиться на работу. Он нанялся пожарным в наркомат целлюлозно-бумажной промышленности. Однажды он встретил ребят, с которыми раньше играл в народном театре ДК «Каучук». Они стали собираться вместе, репетировать, чтобы играть спектакли и этим зарабатывать себе на жизнь. Но вот тут-то и выяснилось, что не так-то просто сделать спектакль, на который бы пошли зрители. Не хватало знаний и профессионализма. Поэтому и решил Толя Папанов идти учиться в театральный институт.

Папа обожал своего отца, но обращался к нему на «Вы». В наше время это случается довольно редко, но мне всегда кажется, что этим подчеркивается особое уважение к тем, кто тебя произвел на свет и воспитал. Позднее, когда мы уже жили отдельной семьей, папа часто, почти каждую неделю

навещал своих уже стареньких родителей. Относился к ним с любовью и юмором, особенно к отцу. Речь дедушки была насыщена разнообразными изречениями, сравнениями, приколами, как теперь говорят. Он много рассказывал смешных случаев из собственной жизни. Причем излагал все это совершенно серьезно, не сознавая, наверное, что рассказывает смешно. А может и сознавал, но оставался в душе актером...

Однажды папа спросил деда – большого любителя погулять по Новодевичьему кладбищу, находящемуся неподалеку от Усачевки: «Почему Вы так любите это место для прогулок, папа?» На что Дмитрий Филиппович ему ответил: «Так как же не любить, Толя? Ведь там же такие силы собраны!» Знал бы тогда дедушка Дима, что его единственный сын будет похоронен здесь, на Новодевичьем...

Дедушка очень чутко относился к его творчеству и очень им гордился. Мне кажется, в сыне реализовалась его тайная мечта о театральной сцене. Он всегда живо интересовался делами папы: репетициями, съемками в кино.

На Усачевке, в небольшой коммуналке, где жили еще две семьи, мы часто собирались и справляли праздники: дни рождения, красные дни календаря. Мы – это бабушка Лена, дедушка Дима, мама, папа, я, мамины родители, с которыми я жила до подросткового возраста, и папина старшая сестра, тетя Нина со своей семьей. А семья у тети Нины была такая: муж – дядя Петя и мои двоюродные братья Валерий и Анатолий. Было очень весело. Бабушка готовила много вкусной

еды, взрослые спорили о политике, а мы, дети, играли.

Главными зачинщиками споров о политике были двое дедушек, споры были очень яростные. Папа был часто оппонентом дедушки Димы.

На Усачевке всегда трепетно относились к музыке: проигрыватель, масса пластинок. Я очень любила разбирать эти старые пластинки. Если мне нравилось название, я включала проигрыватель, и в дом входила музыка! Я танцевала под нее. Уже тогда, в детстве, мне хотелось стать актрисой. Но я не признавалась в этом родителям, боялась, что будут смеяться. Мне тогда казалось, что артистка должна быть идеально красивой. А себя я таковой не считала...

Нагулявшись, нашумевшись, наспорившись, семья разъезжалась по своим углам. Мама с папой – в общежитие Театра сатиры на Малую Бронную, я с маминими родителями (у которых прожила до 15 лет) – в свою коммуналку, а тетя Нина с сыновьями и мужем – в Подмосковный городок Красноармейск.

Первой из наших стариков ушла из жизни Елена Болеславовна. Шел 1972 год. У бабушки обнаружили опухоль кишечника. Врачи сказали, что ее надо обязательно удалить, и все будет хорошо. Помню, папа устроил ее в одну из лучших клиник, к лучшим хирургам. Когда бабушка легла в клинику и прошла полное обследование, врачи успокоили папу и сказали, что повода для волнений нет и что операция наверняка пройдет нормально.

В это время Театр сатиры должен был ехать на гастроли в город Ташкент. Перед отцом встал непростой вопрос: ехать или оставаться в Москве. Остаться, конечно, было бы трудно, ведь он играл главные роли, но я думаю, если бы он поставил этот вопрос перед руководством театра, ему бы пошли навстречу. Например, где это было бы возможно, сделали бы замену. Конечно, для театра возникло бы много проблем. Но, повторяюсь, хирурги подтвердили, что повода для опасений нет. Родители уехали на гастроли в Ташкент, операция прошла удачно, и ничто не предвещало беды. Но через несколько дней – страшный звонок: Папанова Елена Болеславовна скончалась. Причиной смерти был послеоперационный тромб. Сообщили родителям в Ташкент. Папа с мамой срочно вылетели в Москву. Спектакли с участием Папанова заменили на другие. Практически во всех официальных газетах Узбекистана опубликовали соболезнования.

В это время я была студенткой первого курса актерского факультета ГИТИСа. Помню, что в день похорон я должна была обязательно почему-то быть в институте. Отпросилась от занятий. Приехала на Усачевку к назначенному часу, потому что тело бабушки из морга привезли домой.

По старой традиции, гроб с телом стоял у подъезда дома, чтобы могли попрощаться соседи. Бабушка лежала в гробу совершенно не изменившаяся, в косыночке с люрексом, которую ей когда-то мама привезла в подарок из зарубежных гастролей. Люди подходили, прощались, ведь бабушка Ле-

на прожила в этом доме много лет. Как убитый, без эмоций на бледном лице, стоял около гроба отец. Потом поехали на кладбище. Накануне папа выхлопотал место на Кузьминском кладбище, что было сделать довольно трудно. После похорон были поминки в квартире моих родителей. Конечно, потеря матери была для папы страшной утратой.

Дедушка Дима остался жить один. На первый взгляд, он довольно спокойно перенес смерть жены. Мы все думали, что последствия будут хуже, ведь он уже был очень пожилым человеком. По-прежнему, как при жизни Елены Болеславовны, его навещал папа. Он так же приходил, что-то перекусывал, немного отдыхал, а потом, если позволяло время, шел гулять в Лужники. Это было его излюбленным местом для прогулок.

Лужники – замечательный стадион. Что только он не пережил! От Центрального стадиона, где проходили большие соревнования, откуда в 1980 году под оглушительные овации и слезы зрителей улетал в небо олимпийский Мишка, до грязного, заплыванного рынка. Дай Бог, чтобы восстановилась былая слава Лужников. Папа обожал бродить по безлюдной территории стадиона, когда там не было соревнований. Так он заучивал наизусть тексты новых ролей.

Есть две категории актеров. Одни запоминают роль на сцене, во время репетиций, общаясь с партнером, другие большую часть текста учат дома самостоятельно. Трудно сказать, что лучше, а что хуже. Все зависит от свойств памяти.

Отец любил учить текст роли сам. Он обычно приезжал навестить своих родителей, а потом уходил на стадион работать. Когда я жила с бабушкой и дедушкой на Саввинской набережной, он навещал меня, и оттуда пешком вдоль Москвы-реки шел до Лужников. Там он иногда ходил на футбольные и хоккейные матчи. Он увлекался спортом и любил смотреть соревнования как по телевизору, так и «живьем». А пешеходные прогулки были для него истинным наслаждением. Если, конечно, позволяло время.

Папа очень любил Москву, ее жителей, но не все ему нравилось в современной столице. В одном из интервью он сетовал: «Меня огорчает больше всего то, что у многих, даже коренных москвичей, исчезло интимное ощущение своего города. Раньше, когда Москва не была столь громадной и неохватной, такое ощущение у ее жителей было. Между москвичами существовала какая-то домашняя, душевная связь. Люди жили дворами. И в каждом дворе был свой микроклимат, свой мир, своя мораль. В основе своей очень добрая, здоровая мораль. Жильцы отвечали за свой двор, за все, что в нем происходит. Здесь был свой кодекс чести, своя мальчишеская дружба – вражда, дворовый бескорыстный спорт, дворовые танцы.

Сейчас дворы исчезают, и с ними многое уходит из детской жизни. Раньше не было такой отчужденности между людьми, такой анонимности в поступках. В каждом дворе был свой чудак, который то выращивал розы, то разводил

пчел, и ребяташки вились вокруг него стайкой. Теперь в Москве очень мало зелени. Мы вырубили полностью Садовое кольцо, сильно разрушили Бульварное. Я помню, как мы, будучи третьеклассниками, возле школы сажали липовую аллею. К нам в школу приезжала Надежда Константиновна Крупская, хвалила за то, что мы так украсили город. Недавно бродил я по тому переулку и увидел: все деревья вырублены. Кому они мешали, липы моей молодости?»

Итак, после смерти бабушки дедушка Дима остался один. Папина сестра, тетя Нина, старалась регулярно его навещать. Хотя дорога для нее была не из близких. Она жила в подмосковном Красноармейске. Конечно, тетя Нина помогала ему с хозяйством. Тех веселых застолий на Усачевке, какие случались раньше, когда собирались все родственники, уже не было. Приезжали внуки, Нинины сыновья, которые уже выросли и обзавелись своими семьями.

Дедушка Дима так же каждое лето выезжал на дачу, занимался хозяйством, так же пунктуально записывал в свой блокнотик все расходы по даче. Он умер, пережив бабушку Лену на 10 лет. Последние два года тяжело болел. Тетя Нина взяла его к себе в Красноармейск, потому что за ним требовался постоянный уход. Папа часто навещал его в Красноармейске и, конечно, помогал сестре материально. Умер он летом в 1982 году, не дожив до 90 лет несколько месяцев. Я была на гастролях с театром в Мурманске. Мне сообщили об этом – и я срочно вылетела в Москву.

Конечно, похоронили его вместе с бабушкой на Кузьминском кладбище. Отец и его сестра Нина остались без родителей. Комнату в коммуналке на Усачевке, с которой их так много связывало, пришлось освободить. Одно время, еще при жизни дедушки, отец пытался прописать туда одного из сыновей Нины – Анатолия. Но тогда с пропиской было очень строго, и у него ничего не получилось.

Помню, как мы приехали на Усачевку разбирать вещи дедушки. Что-то выбрасывали, что-то оставляли. Много вещей взяла Нина. Дедушка очень аккуратно собирал все публикации из журналов и газет об актере Анатолии Папанове, о его работах в театре и кино. У Дмитрия Филипповича собрался целый архив из многочисленных фотографий, театральных программ, писем... Его потом забрал отец. А я взяла себе на память вазочку для карандашей и шкатулочку, сделанную из мрамора. Они и сейчас стоят на моем туалетном столике.

Так Усачевка прекратила свое существование в истории нашей семьи. Случайность или нет? Новодевичье кладбище, где похоронили отца, тоже недалеко от Усачевки. Памятник из серого мрамора как бы символизирует театральный занавес и киноленту. На нем надпись:

АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНОВ
1922–1988

Круг замкнулся. И не случайно он замкнулся именно там.

Нина

Красноармейск – небольшой подмосковный городок, расположенный недалеко от шумной магистрали, которая ведет на север, в старинный город Ярославль. Сколько себя помню, эта дорога, сначала старая Ярославка, потом новое Ярославское шоссе, проложенное недалеко от подмосковного города Пушкина, всегда была забита машинами. Сколько я ездила по этому шоссе! В детстве, с отцом – сначала на его старенькой «Победе», потом на «Волге», а потом, став взрослой, на своих машинах. Наверное, если сложить весь километраж, который был пройден мной по Ярославке, то, возможно, получится не одно кругосветное путешествие!

Первая машина у отца появилась после фильма «Живые и мертвые», когда одна воинская часть за заслуги папы в этой картине очень дешево продала ему списанную бежевую «Победу». Когда папа вел машину, я любила устраиваться на заднем сиденье и играть в куклы. Мне было там весело и уютно.

До покупки дачи мы ездили в свободные дни в Красноармейск, где жила со своей семьей папина родная сестра Нина. Муж тети Нины Петр Гаврилович Кондратьев обосновался в этом городке с семьей, когда вышел в отставку, дослужившись до звания майора. Поначалу они, как и мы, ютились в коммуналке, а потом (не без папиных хлопот) переселились в хорошую трехкомнатную квартиру в новом кирпич-

ном доме. К тому времени весь маленький Красноармейск знал, что в их городе живет сестра знаменитого артиста Папанова. Отец обожал тетю Нину и всю ее семью. Очень часто навещал их, иногда брал меня с собой.

Вообще папа принимал активнейшее участие в семейных делах сестры. И она была ему за это очень благодарна. Когда он приезжал, всегда старалась чем-нибудь одарить: то свежими овощами и фруктами со своего маленького садового участка, то домашними заготовками... Иногда это даже были вещи, за которыми отстаивались огромные очереди.

Тетя Нина тоже обращалась к своему отцу на Вы. Брат и сестра были воспитаны в любви и уважении к старшим и друг к другу. И если папа долго не видел своих родных, то очень по ним скучал.

В те времена тетя Нина и дядя Петя жили очень скромно. Она работала директором небольшой ведомственной гостиницы, где останавливались командировочные, а дядя Петя служил начальником ЖЭКа. К двум их сыновьям, на которых уходила почти вся зарплата, мой папа был очень привязан, заботился о них, как о родных. Всегда, когда приезжал в гости, клал потихоньку тете Нине в карман халатика деньги «на ребят». У папы всегда было обостренное чувство ответственности перед всеми родственниками.

Дедушка Дима мечтал вывести двух своих внуков «в люди». Им были куплены музыкальные инструменты: Анатолию – аккордеон, Валерию – скрипка. У брата Толи дело с ак-

кордеоном еще как-то продвигалось – он учился под натиском всей родни в музыкальной школе и по праздникам, дома у дедушки Димы, где собиралась вся семья, демонстрировал свои успехи к великой радости и гордости деда. А у Валерки со скрипкой дела шли очень туго. Несмотря на то, что он, скрипя зубами, тоже посещал музыкальную школу, ничего не клеилось. Не было у него желания овладеть скрипичным мастерством – и все тут! Он предпочитал гонять с ребятами по двору, а не разучивать гаммы. Был собран семейный совет, на котором решили, что Валерий вместе со скрипкой переберется к бабушке с дедушкой в Москву, где дед будет неустанно следить за его успехами как в музыкальной, так и в общеобразовательной школах. Парень перебрался к старикам в столицу, злополучная скрипка была повешена на стенку на самое видное место в качестве подтверждения для гостей, что внук занимается музыкой. Но дела пошли еще хуже. В Москве Валерка так интенсивно занялся личной жизнью, что окончательно бросил не только «музыкалку», но и общеобразовательную школу.

Опять стали собираться семейные советы, на которых решалось, что все-таки делать с несостоявшимся музыкантом. Мой папа всегда придерживался мнения, что насильно из человека артиста не сделаешь. И вот, наконец, было решено отправить Валерия обратно в Красноармейск, определить на работу и в вечернюю школу. Так и поступили. Вскоре Валерия забрали в армию. После армии он вернулся в родной

Красноармейск и вроде бы образумился. Поступил в техникум, окончил его и получил профессию инженера, но самой большой его удачей, на мой взгляд, была женитьба на замечательной девушке Наташе. Внешне она была не очень красива, но это был тот случай, когда говорят, что человек красив своей душой. Вскоре у них родился сын Женя. Валерка был неплохой человек, но он имел один минус – любил выпить. Это очень огорчало Наташу и тетю Нину. Но Наташа его любила так, что прощала все. Валерий тоже любил свою семью. Боролся со своим недугом, хотя получалось у него это не всегда. Помню, когда Женя подрос и надо было думать, с какой профессией связать свою жизнь, Нина попросила папу, чтобы он помог устроить внука в суворовское училище. Женя стал военным. Сейчас у него тоже своя семья и растет дочь. К сожалению, Наташи и Валерия уже нет в живых. Наташа тяжело болела и умерла довольно рано. Валерий ненадолго пережил ее.

У второго моего брата Анатолия судьба сложилась не очень удачно. Он несколько раз был женат, от первого брака у него есть дочь, но, насколько я знаю, он с ней не общается. К сожалению, все беды у него были тоже из-за пристрастия к «зеленому змию».

Сейчас тети Нины тоже нет в живых. Она ушла из жизни через несколько лет после смерти мужа. Замечательная трехкомнатная квартира в кирпичном доме, которая была получена с помощью папы, осталась ее сыну Анатолию. Из-за сво-

его пагубного пристрастия он эту квартиру потерял, продав за бесценок. Сейчас Анатолий продолжает жить в Красноармейске.

ГИТИС

Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского – ГИТИС. Это крупнейшее в Европе высшее театральное учебное заведение. Оно ведет свое начало от Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества, которое в 1918 году было реорганизовано в Музыкально-драматический институт (с 1922 года – Институт театрального искусства). В 1925–1931 годах существовал как центральный техникум театрального искусства (ЦЕТЕТИС). В 1931 году снова был преобразован в институт, а с 1934 года и до недавнего времени носил название Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского. Сейчас он называется Российский институт театрального искусства.

По пустынным улицам Москвы медленно идет молодой человек в гимнастерке, в сапогах, опирается на палочку. Он сворачивает в тихий Собиновский переулок между Арбатской площадью и улицей Герцена, входит в небольшой палисадник приземистого старинного дома под № 4, останавливается у доски «Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского». Потом, немного постояв, парень в гимнастерке решительно распахивает тяжелую дверь, входит в вестибюль. Мимоходом он видит в большом зеркале свое отражение и, стараясь не хромать, направляет-

ся в учебную часть подавать заявление о приеме в институт. В заявлении говорится, что он, Анатолий Дмитриевич Папанов, 1922 года рождения, просит зачислить его студентом на актерский факультет. Это было в октябре 1942 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.